

UNITED WISDOM

Материализм, идеализм и панпсихизм: три ответа о природе реальности

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W39 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Материализм, идеализм и панпсихизм: три ответа о природе реальности

Что считать исходным: физический мир, сознание или их более глубокую связь

United Wisdom · Andrey Zarinsh & Maria Evilkut
W39 · «Мир и сознание» · W-18 «Познание в философии Нового времени» · Исследовательская линия

> *«Существование идеи состоит в том, что она воспринимается».*
>
> *Джордж Беркли, «Трактат о принципах человеческого знания», §2. Перевод авторов статьи с английского текста Project Gutenberg.*

О чём эта статья

Представим обычное утро. На столе стоит чашка; её можно взвесить, измерить температуру напитка, описать состав керамики. Но тепло ладони, горечь кофе и ощущение спокойствия принадлежат другому способу знакомства с происходящим: мы их переживаем. Как связаны эти два описания? Существует ли только физический мир, внутри которого возникает сознание? Или сознание должно быть исходным условием того, что мы называем реальностью? Возможно ли, что простейшие формы опыта принадлежат самой природе?

Материализм, идеализм и панпсихизм по-разному распределяют объяснительную нагрузку. Каждое направление предлагает опору и оставляет трудный вопрос. Здесь мы разберём эти вопросы, сохраняя различия между философским аргументом, научным исследованием и личным впечатлением. Мы не будем выбирать мировоззрение по тому, какое из них звучит утешительнее. Полезнее увидеть, что именно оно утверждает, какую цену платит за своё объяснение и где привычная фраза о мире незаметно превращается в гораздо более сильный вывод.

1. Два способа встретиться с одной чашкой

Спор о природе реальности начинается с различия между описанием происходящего и его переживанием. Чашка из нашего условного примера входит в общий мир: её можно передать другому человеку, проверить показания прибора, разбить. Одновременно она дана кому-то как видимая форма, поверхность под пальцами, запах. Наука стремится сделать описание доступным разным наблюдателям. Опыт всегда переживается с определённой позиции.

Само это различие ещё не говорит, что существуют две отдельные реальности. Карта города и прогулка по нему различаются, хотя из этого не следует существование двух городов. Однако сравнение с картой имеет предел: в споре о сознании требуется объяснить саму возможность прогулки как переживаемого события. Почему описание процессов в человеке сопровождается тем, что человеку что-то чувствуется?

Вопрос можно уточнять без спешки: ищем ли мы причину конкретного ощущения, общий механизм восприятия или основание того, что переживание вообще возможно? Ответ на одну задачу не обязан одновременно закрывать остальные.

Здесь важно развести два вопроса. **Онтология** спрашивает, что существует и что является основой существующего. **Теория познания** спрашивает, как мы узнаём о мире и насколько оправдано наше знание. Утверждение «я узнаю о чашке через восприятие» относится ко второму вопросу. Утверждение «чашка существует только как воспринимаемое» уже отвечает на первый. Между ними нужен аргумент.

В повседневной речи эти переходы часто остаются незаметными. Человек говорит: «Каждый видит мир по-своему», — и добавляет: «Поэтому объективной реальности нет». Другой отвечает: «Восприятие связано с мозгом», — и заключает: «Следовательно, внутренний опыт полностью объяснён». В обоих случаях вторая фраза требует больше оснований, чем первая.

Три направления, которые мы рассматриваем, помогают увидеть разные варианты ответа. Но они не образуют полный список и не являются тремя одинаково устроенными теориями. За пределами статьи остаются, например, дуализм и нейтральный монизм. Внутри каждого направления тоже есть разногласия. «Материалист» или «идеалист» — начало уточняющего разговора, а не готовое описание позиции.

Поэтому стоит спросить не только «во что вы верите?», но и «что именно вы принимаете за исходное?». Физические процессы? Переживание? Более основную реальность, которую привычные слова делят слишком грубо? Пока этот выбор не назван, два собеседника могут спорить об одном термине, вкладывая в него разные обязательства.

2. Материализм: мир не нуждается в нашем присутствии

Сильная сторона материалистического подхода — стремление объяснять человека внутри природы. Мы не добавляем отдельную субстанцию каждый раз, когда сталкиваемся с памятью, желанием или болью. Ищем, какие процессы делают их возможными и как они связаны с остальным происходящим.

Материализм прошлых эпох и современный **физикализм** не следует безоговорочно отождествлять, хотя сегодня эти термины часто используют как близкие. Ранние представления о материальном мире могли опираться на тела, движение и механические взаимодействия. Современное понятие физического шире привычного образа твёрдых частиц. В общей ориентировке физикализм рассматривает конкретное существующее как физическое или полностью основанное на физическом; точные определения этой зависимости различаются. Это не обязательно требование перевести каждое полезное объяснение на язык микрофизики. Различие физикализма и редукционизма обсуждает Дэниел Столджар в статье «Physicalism».

Можно признавать физическую основу разговора и всё же объяснять его через намерения, правила языка и обстоятельства. Если человек не пришёл на встречу, рассказ о его обещании и последующем решении способен дать понимание, которого не даст перечень движений частиц. Физикалисту предстоит согласовать такие уровни объяснения; он не обязан заранее объявлять один из них бессмысленным.

В нашей сцене чашка не перестаёт существовать, когда человек выходит из кухни. События продолжаются независимо от его внимания. Такой взгляд хорошо соединяется с практикой общих проверок: измерения можно повторять, ошибки — обнаруживать, представления — исправлять под сопротивлением мира. Но удачная исследовательская практика и всеобъемлющая философская позиция остаются различными утверждениями. Способность объяснить множество процессов ещё не является готовым объяснением всех сторон сознания.

И слово «физическое» требует осторожности. Если определить его как «всё, что в конце концов окажется реальным», физикализм станет почти неуязвимым, но потеряет различительную силу. Если закрепить определение за сегодняшней физикой, придётся учитывать её неполноту. Это настоящая задача для позиции, а не повод отождествить её с наивной уверенностью, будто мир уже окончательно понятен.

Материалистический ответ интересен именно там, где предлагает трудную работу: показать место сознания в природе, не подменяя неизвестный механизм словом «просто». Сказать «это просто мозг» недостаточно. Как и в любом объяснении, нужно раскрыть, какие отношения за этой фразой стоят.

3. Почему описание механизма оставляет вопрос

Самый острый спор касается не того, участвует ли мозг в человеческом опыте, а того, какого объяснения мы вправе ожидать. Можно исследовать распознавание звука, внимание, память и словесный отчёт. Затем спросить: почему эти процессы вообще имеют переживаемую сторону?

Дэвид Чалмерс в статье «Facing Up to the Problem of Consciousness», §§2–3, разделяет задачи объяснения функций и «трудную проблему» опыта. Его «лёгкие» задачи могут быть чрезвычайно сложны технически: слово указывает на предполагаемый тип объяснения. Для трудной проблемы недостаточно, по его аргументу, описать выполнение функций; требуется объяснить, почему существует субъективное переживание. Это философский довод о достаточности объяснения, а не экспериментальное доказательство того, что наука потерпела окончательное поражение.

Возражение физикалиста заслуживает такой же серьёзности. Из того, что мы пока не понимаем связи, не следует, что её нельзя понять или что она требует иной природы вещей. Возможно, различие возникает между двумя способами знания одной реальности. Возможность такого ответа тоже ещё не делает его доказанным. Обеим сторонам приходится уточнять, где заканчивается сегодняшняя ограниченность знания и начинается утверждение о принципиальном пределе.

Вернёмся к чашке. Можно объяснить, почему её поверхность нагревается и почему рука реагирует. Но просьба «покажите, каково чувствовать это тепло» не обязательно запрашивает ещё один параметр прибора. Она обращена к иной стороне знакомства с событием. Ошибка возникнет, если считать отсутствие такого ощущения у прибора доказательством особой нематериальной силы. Другая ошибка — решить, что вопрос исчезает, как только мы получили точные показания.

Это различие влияет и на оценку аргументов. Неудовлетворённость объяснением бывает продуктивной: помогает заметить пропущенное. Но сама по себе она не указывает, какое объяснение верно. Формула «наука не объяснила сознание, значит, верен идеализм» оставляет без обоснования вторую половину. Аналогично из трудностей идеализма не получается автоматическая победа любой версии физикализма.

Хороший спор удерживает эту паузу. Можно требовать более полного объяснения и признавать достижения существующего подхода одновременно. Можно считать трудную проблему неправильно поставленной, но тогда нужно объяснить, где именно произошла ошибка постановки. Название позиции не заменяет эту работу.

4. Беркли: воспринимаемое и воспринимающий

Идеализм становится понятнее, если читать конкретного автора, а не популярную формулу «всё у нас в голове». У Джорджа Беркли речь идёт о строгой, хотя и спорной, перестройке представления о существующем.

В «Трактате о принципах человеческого знания», §§1–6, Беркли различает идеи и воспринимающие духи. Идеями он называет, среди прочего, чувственно данное: цвет, звук, тепло, твёрдость. Дух — активный воспринимающий, а не ещё одна идея. Знакомая вещь, например яблоко, описывается как сочетание качеств, которые воспринимаются вместе. Беркли отвергает предполагаемую материальную субстанцию, существующую независимо от всякого сознания, но не отрицает воспринимаемые столы, деревья и яблоки.

Беркли также оспаривает различие между «первичными» качествами, считающимися свойствами самих тел (протяжённость, форма, движение), и «вторичными», связываемыми с ощущением (цвет, тепло, вкус): по его доводу, протяжённость и форму нельзя представить без цвета или других чувственных качеств (§§9–10). Так он обосновывает отказ от независимого материального «каркаса», скрытого за ощущениями, хотя правомерность перехода от устройства представления к устройству реальности остаётся предметом спора.

В §23 он рассматривает возражение: ведь можно представить деревья в парке, где никого нет. Его ответ состоит в том, что представляющий всё это всё равно мыслит деревья. Мы исключили из картинки наблюдателя, но не исключили акт представления. Для Беркли это показывает несостоятельность попытки мыслить воспринимаемое совершенно вне мысли и восприятия.

Здесь проходит место спора. Оппонент может согласиться, что акт представления совершается в сознании, но спросить: почему предполагаемый объект этого акта тоже не способен существовать без сознания? Представление пустой комнаты и сама пустая комната — не заведомо одно и то же. Беркли отвечает на это в рамках собственной теории идей; принятие её основания и составляет существенную часть философского выбора.

Из его позиции также не следует, что чашку создаёт моё личное желание. В §6 Беркли обращается к вечному духу; в §§45–48 отвечает на мысль о непрерывном исчезновении и возникновении вещей. Их существование не ограничено тем временем, когда именно мы их воспринимаем. В его системе порядок мира связан с Богом, а не с произволом отдельного человека.

Поэтому популярное обещание «измени мысли — и внешняя реальность подчинится» не является пересказом Беркли. Восприятие и фантазирование различаются. Я могу представить сладкий кофе, но это не означает, что при следующем глотке горечь исчезнет. Идеалистическая онтология тоже должна объяснять устойчивость опыта, возможность ошибки и сопротивление мира нашей воле.

Серьёзность Беркли состоит в том, что он требует разобраться, что мы имеем в виду под существованием чувственной вещи. Принять его ответ необязательно. Пройти мимо самого вопроса уже труднее: привычное слово «есть» оказывается не таким простым, когда мы пытаемся отделить его от всех способов встречи с существующим.

Проверим это на двух предложениях. «Я сейчас вижу дерево» сообщает о моём восприятии. «Дерево продолжает существовать, когда никто из людей его не видит» говорит о большем. Материалист может понимать вторую фразу как утверждение о независимом физическом объекте. В системе Беркли речь идёт о порядке воспринимаемого, который не исчерпывается моей текущей встречей с деревом. Внешне люди способны согласиться, что завтра найдут его в том же месте; основание этого ожидания они понимают по-разному. Согласие в обычном действии поэтому ещё не означает согласия в метафизике.

И напротив, различие объяснений не обязано менять каждое бытовое решение. Человек, принимающий Беркли, тоже может укрыться от дождя: его учение не предлагает отменить дождь желанием. Если мы не удерживаем этот момент, спор незаметно превращается в соревнование здравого смысла с нелепостью, которую сами же и приписали оппоненту. Гораздо интереснее спросить, удаётся ли его системе объяснить знакомые ограничения опыта лучше, чем независимая материальная основа. Именно здесь сравниваются аргументы, а не находчивость собеседников.

5. Идеализм не сводится к одному сознанию

Под названием «идеализм» объединены разные решения, и различия между ними меняют смысл всего разговора. Метафизическое утверждение о ментальной основе мира не следует автоматически из исследования условий нашего знания о нём.

Пол Гайер и Рольф-Петер Хорстман в обзоре «Idealism» различают метафизические и эпистемологические аргументы в пользу идеализма. Учение о первичности духа или разума нужно отличать от довода о зависимости познания от форм мышления. Трансцендентальный идеализм Канта нельзя без дополнительных аргументов свести к утверждению, что существует только моё личное сознание. И декартовское различение мыслящей и протяжённой субстанций не делает Декарта идеалистом: это дуалистическая позиция.

Различение нужно даже человеку, который не собирается изучать историю философии. Фразы «мир дан мне через опыт» и «мир целиком состоит из опыта» похожи грамматически, но предлагают разные обязательства. Первая оставляет открытым вопрос о том, что существует независимо от познающего. Вторая предлагает ответ на этот вопрос. Иногда разговор об идеализме застревает именно потому, что один собеседник защищает первую фразу, а другой критикует вторую.

Представим вторую условную сцену. Человек получает короткое сообщение: «Поговорим вечером». Он слышит в нём угрозу; отправитель имел в виду совместные планы. Здесь действительно произошло событие, смысл которого зависит от восприятия и контекста. Но эта зависимость не решает вопрос о конечной природе реальности. Можно признать ошибочность первой интерпретации, не становясь идеалистом. Можно быть идеалистом и настаивать на проверке намерения отправителя.

Идеалистические направления напоминают: познающий не может просто вычеркнуть себя из процесса познания. Но для построения онтологии требуется больше, чем напоминание о нашей включённости. Как объяснить общий мир нескольких людей? Почему одни ожидания подтверждаются, а другие нет? Что делает сообщение существующим для того, кто его ещё не прочитал? Конкретные школы отвечают по-разному; слово «сознание» не снимает этих вопросов автоматически.

Здесь можно сохранить полезное напряжение. У нас нет знакомства с миром вне всякого знакомства. Одновременно мы постоянно различаем удачное и ошибочное представление о нём. Философии предстоит объяснить обе стороны. Если она сохраняет только первую, возникает риск произвольности; если только вторую — риск забыть о том, каким образом вообще что-то становится известным.

6. Панпсихизм: опыт может не начинаться с человека

Панпсихизм предлагает рассмотреть возможность того, что элементарные ментальные или переживаемые свойства принадлежат природе на базовом уровне. Тогда человеческое сознание не возникает в мире, который на всех уровнях полностью лишён таких свойств.

Это не утверждение, что каждый предмет размышляет. В авторской версии «Panpsychism and Panprotopsychism», §1, Чалмерс специально отделяет гипотезу о базовом опыте от тезиса о сознании башен, городов или чисел. Предполагаемый опыт фундаментальной сущности не равен человеческой памяти, языку, намерениям или личности. На этом уровне неизвестно даже, как содержательно представить такой опыт. Поэтому фраза «камень понимает мою боль» добавляет к панпсихизму гораздо больше, чем само направление утверждает.

Родственный **панпротопсихизм** предполагает **протофеноменальные свойства**, которые сами по себе не являются переживанием, но при подходящей организации могут совместно составлять опыт; каким образом это происходит, ещё требуется объяснить (Чалмерс, §4 той же работы).

Притягательность идеи связана с трудностью перехода. Если в исходном описании природы нет ничего переживаемого, почему определённое соединение её элементов начинает чувствовать? Панпсихист предлагает изменить исходное описание. Но привлекательный ход должен затем показать, что именно он объясняет и какими дополнительными предположениями пользуется. Назвать опыт базовым — ещё не значит объяснить его знакомые сложные формы.

Гален Стросон представляет особенно показательный вариант. В главе «Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism», §1, он утверждает реальность опыта и считает его физическим явлением. При таком понимании физического панпсихизм выступает продолжением реалистического материализма. Это аргумент конкретного автора, а не общепринятое следствие физикализма. Но он показывает, почему нельзя расставить наши три направления по трём совершенно непроницаемым коробкам.

Полезно различать и ещё два утверждения. «Переживание имеет место в природе» — исходный факт нашего собственного случая. «Переживание принадлежит фундаментальным составляющим природы» — гораздо более сильная философская гипотеза. Второе нельзя получить из первого простым расширением масштаба.

У читателя может возникнуть симпатия к образу мира, в котором человек менее одинок. Такое чувство понятно как личная реакция. Оно не подтверждает устройство мира. Если панпсихизм интересен, ему следует дать возможность быть трудной гипотезой со своими вопросами, а не превращать в красивый ответ, который ценится только за настроение.

7. Если малое переживает, кто переживает целое?

У версий панпсихизма, которые связывают человеческий опыт с простейшими опытами составляющих, возникает собственная проблема перехода: требуется объяснить единство сложного опыта. Мы переживаем не отдельную пыль ощущений, а связанную ситуацию: чашку на столе, разговор, мысль о предстоящем дне.

В §6 «Panpsychism and Panprotopsychism» Чалмерс рассматривает **проблему комбинации**: как множество отдельных микроопытов может образовать опыт нового субъекта? Признание опыта на исходном уровне не даёт автоматического ответа. Особенно трудно объяснить не только набор ощущений, но и то, почему они принадлежат одному переживающему.

Представим третью условную сцену: несколько людей слушают одну мелодию. Каждый её слышит; их впечатления могут быть похожими. Но согласие слушателей не превращает их в ещё одного слушателя, который переживает сумму всех впечатлений. Эта аналогия не опровергает панпсихизм: люди и фундаментальные сущности устроены по-разному. Она только делает вопрос о новом субъекте видимым. Сложение свидетельств и образование единого переживания — разные задачи.

Объяснить физическое взаимодействие элементов также ещё не значит объяснить объединение предполагаемых опытов. Нужно показать, почему именно такие связи создают такую целостность. Если достаточно сказать «части сложились», возражение можно вернуть и материалисту, и панпсихисту: требуемое объяснение скрыто в слове «сложились».

У направлений здесь разная начальная трудность. Физикалист старается объяснить опыт на физической основе, которую обычно не определяют как переживаемую. Панпсихист уже включает элементарный опыт в основу, но должен объяснить его превращение в сложный опыт. Проблема не исчезает; меняется место, в котором она требует решения.

И ссылку на квантовую физику нельзя использовать как короткую дорогу через этот разрыв. Чтобы она стала объяснением, нужно указать конкретный механизм, его отношение к переживанию и основания, позволяющие проверять такое отношение. Одно слово «квантовый» не устанавливает наличие сознания у частицы и не объясняет единство человеческого опыта.

Вопрос к панпсихизму поэтому звучит не «как можно верить, что всё думает?», а «что именно несёт простейшее переживание и как из этого следует существование сложного субъекта?». Такая постановка позволяет обсуждать сильную версию позиции. Карикатура на неё даёт лёгкий ответ, но оставляет философскую задачу нетронутой.

8. Сравнивать объяснения, а не обещания

Сопоставление полезно, когда показывает, какой вопрос каждая позиция берёт на себя. Три направления нельзя оценивать только по ощущению простоты: иногда простота достигается тем, что трудная часть вопроса переименована или вынесена за скобки.

Следующая таблица — ориентир по рассматриваемым версиям, а не описание всех школ без исключения. Различия внутри направлений сохраняются. Для панпсихизма определения и разновидности сверены также с обзором Филипа Гоффа, Уильяма Сигера и Шона Аллена-Хермансона «Panpsychism».

Вопрос	Материализм / физикализм	Идеализм	Панпсихизм
Что берётся за основу?	Физическая реальность	В метафизическом идеализме — ментальная реальность; трансцендентальный идеализм требует отдельного разбора	Базовые ментальные или переживаемые свойства природы
Нужно ли моё внимание для существования чашки?	Нет	У Беркли существование не ограничено моим восприятием	Нет: гипотеза о базовом опыте не делает моё внимание создателем чашки
Какое объяснение сознания требуется?	Его место в физической природе	Связь индивидуального опыта, других субъектов и общего мира	Связь простейших свойств с человеческим опытом
Где проходит трудный переход?	От физического описания к переживаемой стороне	От исходного сознания или условий опыта к устойчивому общему миру	От элементарных опытов к единому сложному субъекту
Что нельзя приписывать позиции автоматически?	Отрицание чувств и смысла	Власть личной мысли над любыми событиями	Человеческий разум у каждого камня
Следует ли из неё готовая этика?	Нет	Нет	Нет

Эмпирические связи между состояниями мозга и человеческим опытом ограничивают допустимые объяснения, но сами по себе не выбирают всю онтологию. Разные философские позиции могут принимать одни и те же наблюдения и по-разному понимать, что они означают. Чтобы различие стало проверяемым научным разногласием, требуются конкретные несовместимые следствия для наблюдения. Поэтому философская совместимость с данными слабее подтверждения определённой позиции данными.

Есть и другая проверка: не исчез ли предмет объяснения? Если вместо чувства нам описали только отчёт о чувстве, стоит уточнить переход. Если вместо устойчивого мира предложили произвольный поток воображения, нужно спросить об общих ограничениях.

Если элементарное переживание просто назвали сознанием человека, разница между ними всё ещё требует объяснения.

Содержательный выбор может опираться на связность аргумента, экономность предположений и способность удержать то, что нуждается в объяснении. Ни один критерий не работает как мгновенная кнопка. Но они лучше помогают спору, чем соревнование привлекательных образов: холодной машины, всемогущей мысли и одушевлённого космоса.

9. Что это значит на практике

Философская позиция может влиять на то, какие вопросы мы замечаем, но из неё не получается готовая инструкция для жизни. Следующие шаги — авторское применение проведённых различений, а не правила, которые Беркли или современные философы предписывают каждому читателю.

Для начала полезно взять одно собственное суждение о мире и разделить его на наблюдение и вывод. «Я прочитал сообщение и испытал тревогу» описывает эпизод. «Автор сообщения хотел меня напугать» предлагает интерпретацию чужого намерения. «Моя тревога создала событие» добавляет метафизическую и причинную гипотезу. Эти утверждения требуют разных проверок. Уточнение у отправителя способно изменить второе; оно не решает спор об идеализме.

Затем можно спросить, какой переход совершает любимое объяснение. Фраза «мы зависим от тела» помогает учитывать условия жизни. Из неё не следует, что чувства не заслуживают внимания. Фраза «мы воспринимаем происходящее через опыт» помогает замечать интерпретации. Из неё не следует, что человек виноват в каждом несчастье, которое с ним произошло. Фраза «опыт может быть фундаментальным» открывает философскую возможность. Из неё не следует, что природа посылает адресные советы.

Эти проверки особенно нужны, когда мировоззрение начинает служить оправданием действий. Человек может сказать: «Всё физическое, значит, ответственность бессмысленна». Другой — «Все сознания связаны, значит, согласие другого человека необязательно». В обоих случаях требуется отдельный этический аргумент. Устройство реальности и допустимость поступка — связанные, но разные вопросы. Никакая из рассмотренных онтологий сама по себе не отменяет необходимость обсуждать вред, обязательства, взаимность и границы.

Можно также пересказать чужую позицию так, чтобы её сторонник узнал собственный довод. Материалист старается удержать сознание внутри природы. Идеалист спрашивает об исходности сознания или об условиях знания. Панпсихист исследует

возможность базового опыта. После этого критика становится точнее: адресуется действительной трудности, а не заранее удобному противнику.

Для такого разговора достаточно небольшого упражнения. Записать сильнейший довод за выбранную позицию и рядом — вопрос, на который она отвечает хуже всего. Затем проделать то же самое для ближайшей альтернативы. Если у собственной позиции нашлись только достоинства, а у чужой только недостатки, полезно проверить, сопоставляем ли мы одинаково серьёзные версии. Результат упражнения не обязан быть сменой убеждений. Иногда он состоит в более точной формулировке того, почему мы остаёмся при них и какие основания могли бы заставить нас пересмотреть ответ.

И наконец, полезно сохранить область неизвестного. Можно признавать объективность многих проверок, реальность переживания и неполноту собственного объяснения одновременно. Необязательно выбирать окончательную метафизику, чтобы внимательнее обращаться с фактами или лучше слышать собеседника. Но если выбор сделан, стоит знать не только его привлекательную сторону, но и вопрос, который он оставляет открытым.

Чашка по-прежнему стоит на столе. Мы можем исследовать её, чувствовать тепло и спорить о том, что делает всё это возможным. Философия становится плодотворной, когда ни один из этих способов встречи с миром не объявляется лишним до того, как объяснено его место.

Ключевая цитата

> *«Сознание — неоднозначный термин, относящийся ко многим различным явлениям».*
>
> *Дэвид Чалмерс, «Facing Up to the Problem of Consciousness», §2. Перевод авторов статьи с английского текста на сайте автора.*

Использованные источники

1. **Berkeley, George.** *A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge* (1710; английский электронный текст Project Gutenberg, eBook №4723, HTML-версия опубликована 2009). Текст. Использованы §§1–6, 9–10, 23, 45–48: идеи и духи, критика разделения первичных и вторичных качеств, аргумент о мыслимости, независимость существования от восприятия отдельного человека. Прочитаны указанные фрагменты; полного чтения книги не заявляем. Переводы эпиграфа и изложение выполнены для этой статьи.

2. **Stoljar, Daniel.** *Physicalism*. Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция 16 сентября 2026. Статья. Прочитаны введение, §§1.1–1.3, начало §3.1 и избранные фрагменты §§4.4, 6:

понятие физического, редукционизм и границы аргументов. Полного чтения обзора не заявляем.

3. **Chalmers, David J.** *Facing Up to the Problem of Consciousness*. Journal of Consciousness Studies, 2(3), 1995, pp. 200–219. Английский текст на сайте автора. Использованы §§2–3: задачи объяснения функций, трудная проблема опыта, различение значений сознания. Прочитаны указанные разделы; ключевая цитата переведена для этой статьи.

4. **Guyer, Paul; Horstmann, Rolf-Peter.** *Idealism*. Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция 5 мая 2026. Статья. Прочитаны введение и §1: метафизические и эпистемологические аргументы, исторические границы термина. Полного чтения обзора не заявляем.

5. **Chalmers, David J.** *Panpsychism and Panprotopsychism*. Авторская PDF-версия, подготовленная для Amherst Lecture in Philosophy 2013; файл содержит пометку о предстоящей публикации. Использованы §§1, 3, 6 и первый абзац §4 (p. 15): базовый опыт, различие микро- и макроопыта, панпротопсихизм и проблема комбинации. Прочитаны указанные фрагменты; это не заявление о чтении позднейшей книжной редакции.

6. **Strawson, Galen.** *Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism*. В: *Real Materialism and Other Essays*. Oxford: Clarendon Press, 2008, глава 2, pp. 53–74; первая публикация работы — 2006. Авторская загрузка книжной версии на ResearchGate. Использован §1, pp. 53–54: опыт как физическое явление и нестандартное понимание физикализма. Каталожная дата ResearchGate не используется как дата этого издания. Остальные фрагменты главы не являются основанием статьи.

7. **Goff, Philip; Seager, William; Allen-Hermanson, Sean.** *Panpsychism*. Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция 13 мая 2022. Статья. Прочитаны введение, §§2.1, 2.4, 4.2–4.3: определения и разновидности; для статьи отобрано необходимое. Полного чтения обзора не заявляем.

Теги

Материализм, физикализм, идеализм, панпсихизм, сознание, реальность, онтология, теория познания, философия сознания, метафизика, субъективный опыт, восприятие, феноменальное сознание, трудная проблема сознания, проблема комбинации, редукционизм, монизм, дуализм, нейтральный монизм, Беркли, Кант, Декарт, Чалмерс, Гален Стросон, философия Нового времени, научное объяснение, границы знания, интерпретация, этика, критическое мышление.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.